

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Бесков А.А. Инфильтрация иллюзорных представлений о славянском язычестве в современные российские научный и официально-деловой дискурсы: социокультурные риски // Философия и культура. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.7.71122 EDN: GVZGBL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71122

Инфильтрация иллюзорных представлений о славянском язычестве в современные российские научный и официально-деловой дискурсы: социокультурные риски

Бесков Андрей Анатольевич

ORCID: 0000-0003-4080-1614

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии и социально-правовых наук; Волжский государственный университет
водного транспорта

603950, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Нестерова, 5, каб. 377

✉ beskov_aa@mail.ru

[Статья из рубрики "Мифы и современные мифологии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.7.71122

EDN:

GVZGBL

Дата направления статьи в редакцию:

22-06-2024

Дата публикации:

29-06-2024

Аннотация: Данная работа служит логическим продолжением статьи «Симуляция науки и симулякры культуры: иллюзорные представления о славянском язычестве в современной российской гуманитаристике», опубликованной в журнале «Вопросы философии» в 2022 г. Но если в ней речь шла о механизме зарождения иллюзорных представлений о славянском язычестве и причинах их проникновения в научные публикации, то здесь анализируются те социокультурные последствия, к которым в итоге приводит функционирование данного механизма. Объектом изучения в данной статье являются современные научные и паранаучные представления россиян о язычестве древних славян, а предметом изучения является проникновение паранаучных

представлений о язычестве древних славян в научный и официально-деловой дискурсы в современной России. Методологической базой исследования является кейс-стади (case study) как исследовательская стратегия, позволяющая рассматривать отдельные примечательные «случаи» как единицы наблюдения интересующего исследователя аспекта социальной реальности. Методологический арсенал исследования дополняется герменевтическим анализом ряда текстов, вышедших в российской научной периодике и выступающих в качестве материала для авторской рефлексии. В ходе исследования было выявлено, что иллюзорные представления о славянском язычестве очень легко проникают в различные публикации, представленные как в сборниках научных конференций, так и в научных журналах. Это происходит из-за некритичного использования многими авторами неавторитетных источников информации, в числе которых могут быть и псевдонаучные работы. В результате различные паранаучные (в частности, неоязыческие) конструкты обретают вес за счёт их трансляции в научной периодике. Проникновение симулякров традиционной культуры в научный дискурс приводит к тому, что представители научного сообщества, выполняя различные экспертные функции, становятся проводниками этих симулякров в официально-деловой дискурс. Учитывая государственный курс на сохранение и развитие традиционных ценностей, можно ожидать, что под видом сохранения различных народных традиций могут получить поддержку современные паранаучные конструкты, не имеющие в действительности никакого отношения к подлинному историко-культурному наследию.

Ключевые слова:

славянское язычество, славянская мифология, русское неоязычество, псевдонаука, паранаука, массовое сознание, российское научное сообщество, экспертное сообщество, мистический туризм, неонацизм

Введение

Данная работа служит продолжением ранее опубликованной статьи «Симуляция науки и симулякры культуры: иллюзорные представления о славянском язычестве в современной российской гуманитаристике» [\[1\]](#), вышедшей в «Вопросах философии» в 2022 г. В ней было показано, как изобретённые в рамках современной российской массовой культуры славянские мифы выходят за пределы среды приверженцев неоязычества и «альтернативной истории» и начинают активно проникать в научную литературу, тем самым приобретая видимость научного признания. Отличить научные факты от фейков в этой области могут лишь узкие специалисты в области изучения славянского язычества. Но оказывается, что разного рода (псевдо)научные фантазии о славянском язычестве оказываются весьма востребованы в российской гуманитаристике. Они являются питательной средой для досужих размышлений о своеобразии русской традиционной культуры. В итоге создаётся весьма неприятная ситуация, когда российские культурологи и философы, размышляющие о вопросах культуры, легко могут попасть впросак, позаимствовав в качестве материала для своих рассуждений недостоверные, либо совершенно фантастические сведения о славянском язычестве. Наверное, излишне говорить о том, что философствование, основанное на таком изначально некачественном фундаменте, может привести лишь к цепочке ошибочных выводов. Впрочем, в зоне риска отнюдь не только философы и культурологи. Ситуация гораздо хуже – российское общество в целом переживает сейчас этап кардинальной трансформации представлений об исконной славянской и древнерусской культуре. Эти представления, даже в их

научном варианте, сами по себе являются «мерцающими», зыбкими, что обусловлено слабой источниковой базой и вытекающей отсюда сложностью интерпретации имеющихся археологических данных [\[2\]](#). Когда же дело доходит до интерпретации известных науке данных непрофессионалами, тем более, непрофессионалами ангажированными, стремящимися найти в славянских древностях обоснование для каких-то идеологических спекуляций (в частности, неонацисты ищут в них доказательства того, что славяне являются прямыми потомками ариев, как в нацистской Германии искали свидетельства того, что потомками ариев являются немцы), это становится угрозой для всего общества (и здесь как раз печальный опыт гитлеровской Германии является прецедентным).

Но если в упомянутой выше статье речь идёт о механизме зарождения иллюзорных представлений о славянском язычестве и причинах их проникновения в научные публикации, то в данной работе будет продемонстрированы те социокультурные последствия, к которым в итоге приводит функционирование данного механизма. Эта демонстрация в свою очередь служит аргументом в пользу актуальности такой работы, так как распространение иллюзорных представлений о славянском язычестве и отсутствие понимания самого существования такой проблемы, а тем более, её глубины, как раз и приводит к различным аберрациям в культурной жизни общества, что может влиять и на культурную политику государства, и на правоприменительную сферу и даже на вопросы национальной безопасности (когда речь идёт о распространении современных мифов, напрямую способствующих реабилитации различных фрагментов идеологии нацизма, который в современном мире вновь набирает силу).

Итак, объектом изучения здесь являются современные научные и паранаучные представления россиян о язычестве древних славян, а предметом изучения является проникновение паранаучных представлений о язычестве древних славян в научный и официально-деловой дискурсы в современной России.

Методологической базой исследования является кейс-стади (case study) как исследовательская стратегия, позволяющая рассматривать отдельные примечательные «случаи» как единицы наблюдения интересующего исследователя аспекта социальной реальности. Согласно формулировке Джона Герринга [\[3, p. 37\]](#) этот подход предполагает «интенсивное изучение отдельной единицы или небольшого числа единиц (кейсов) с целью понимания более широкого класса аналогичных единиц (совокупности кейсов)». Иначе говоря, рассматривая некоторые единичные случаи, мы можем увидеть в них отражение каких-то тенденций, которые в силу различных причин может быть затруднительно выявить или изучить на более обширном материале.

Также в статье проводится анализ текстов ряда статей, опубликованных в некоторых научных изданиях, с целью уточнения механизма проникновения недостоверных сведений о славянском язычестве в научный дискурс.

Наука о мифах и мифы в науке

Прежде чем переходить к описанию конкретных социокультурных кейсов, требуется уделить некоторое внимание тому, как они связаны с современными российскими публикациями, имеющими статус научных. Ещё раз (в дополнение к упомянутой статье в «Вопросах философии») проследим, как могут вкрадываться досадные ошибки в статьи в уважаемых журналах и как публикации в менее уважаемых изданиях становятся разносчиком вненаучных фантазий.

Обратим внимание на статью «Конь-солнце в славянской языческой мифологии»

кандидата геолого-минералогических наук Т. П. Морозовой [4]. В ней предлагается новый путь реконструкции славянской мифологии – лакуны в наших знаниях о ней предлагается попросту заполнить деталями из египетских мифов. Почему именно из египетских – не совсем понятно (по мнению автора, для этого подойдут и другие мифологические системы, о которых известно больше, чем о славянской), но видимо автору так удобнее. (Использование сравнительного метода (компаративистика) в мифологических штудиях – это весьма давний приём, который применительно к славянской мифологии широко применяли, например, такие известные учёные, как В. В. Иванов и В. Н. Топоров [5–6], но они привлекали материалы из более близких в культурном отношении мифологических систем других индоевропейских народов. Древние египтяне к индоевропейцам не относятся.) К счастью, здесь не содержится откровенно фантастических сведений о славянском язычестве, но опора автора на устаревшую литературу, в том числе 1930–40-х годов, сказывается на содержании. Так, без каких-либо колебаний объявляются славянскими богами Ярило – мифологический персонаж с неясным статусом и Коляда – персонифицированный образ обряда колядования, причём что касается Ярилы, то в статье дважды встречается колоритное описание его облика, восходящее в конечном счёте к статье 1846 г. «Белорусские народные предания», подписанной псевдонимом П. Древлянский (настоящее имя автора – П. М. Шпилевский). Шпилевскому якобы удалось записать чудом сохранившиеся славянские мифы, которые потом охотно цитировали многие исследователи, даже столь авторитетные, как В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Но ныне авторитет этих записей безнадежно подорван, они считаются мистификацией [7–8].

Чего же стоят такие реконструкции славянской мифологии, когда к отечественным мистификациям добавляются египетские мифы? Тем не менее, такие статьи выходят в издании, имеющем высокий научный статус. На них можно ссылаться, на них можно равняться – так создаются прецеденты, позволяющие расшатывать и без того не слишком крепкую конструкцию научных знаний о славянском язычестве. Создаётся современная апокрифическая традиция, инкорпорирующая широкий спектр отречённого наукой знания, и она вполне явно и действенно влияет на современную российскую культуру, свидетельства чего можно обнаружить в самых разных сферах.

Настоящим наглядным пособием, иллюстрирующим этот процесс, может стать сборник материалов конференции «Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики», прошедшей в Белгороде 12 февраля 2020 г. Целая когорта преподавателей Белгородского государственного института искусств и культуры отметилась там своими статьями на тему необходимости изучения и популяризации славянских народных традиций. Сразу несколько таких статей интересны в рамках рассматриваемой здесь темы.

В. В. Лившиц и Е. А. Лившиц подчёркивают актуальность создания хореографических произведений на основе славянской мифологии. При этом упоминается любопытное наблюдение: «Принимая участие во многих российских и международных хореографических конкурсах в качестве членов жюри, авторы делают вывод, что в наши дни в танцевальной культуре вновь пользуются популярностью постановки на темы славянства. (...) Богатая «палитра» тем славянской мифологии, которой пользуются многие балетмейстеры-постановщики, щедро одаривает российскую культуру новыми идейными хореографическими постановками и спектаклями...» [9, с. 178]. Далее совершенно справедливо отмечается, что: «Различные мифы и истории о жизни славян не всегда являются подлинными фактами, поэтому из изобилия материала важно найти то, что не несёт ложной информации, не противоречит истинной природе славянства и не

опровергает исторических фактов...» [\[9, с. 178\]](#). Увы, при этом сами авторы черпают информацию о мифах славян из популярной литературы, что со всей очевидностью следует из списка литературы. Это закономерно приводит к тому, что авторы предлагают брать за основу для хореографических произведений современные мифы, популярные в неоязыческой среде, но абсолютно неизвестные академической науке («Святогор и Ван», «Сотворение мира», «Хорс и Заря-Заряница» и т. п.). Авторы специализируются на хореографическом искусстве, а не на истории, религиоведении, лингвистике, фольклористике, поэтому такие промахи вполне можно понять. Но к чему это будет приводить на практике? К созданию неких культурных продуктов «на тему славянства», которые будут участвовать в дальнейшем формировании обобщённых представлений российского социума о древней славянской культуре. Как мы видим, в основе таких представлений будут лежать утверждения, крайне далёкие от науки.

Другой пример. В том же сборнике П. А. Данилов и О. Б. Буксикова предлагают использовать «традиционную русскую игру вербохлѣст» в учебном процессе детского хореографического коллектива; а также для создания самобытных детских сценических танцев, причём важной задачей является раскрыть её «сакральный смысл» [\[10, с. 242, 244\]](#). С одной стороны, можно порадоваться наличию энтузиастов, которые поддерживают народные традиции, но вот беда – сведений о том, откуда авторы почерпнули информацию о данной игре, и почему они называют её то игрой, то древнейшим и важнейшим славянским праздником, нет. Написав: «Исследование генезиса этого древнейшего праздника на Руси представляет большой интерес», авторы дали ссылку на хорошо известную специалистам книгу М. А. Васильева «Язычество восточных славян накануне крещения Руси» [\[11\]](#). Однако, ни на указанной 70-й странице книги, ни на какой-либо ещё нет ни слова об этом празднике или игре. (Вот ещё один штрих к тому, как порой пишутся научные работы – мы столкнулись с фиктивной библиографической ссылкой.) Не известно такое название этнографам и фольклористам, зато поиск в сети «Интернет» находит заголовки типа «Вербохлѣст – ещё один праздник, украденный иудео-христианами» (имеется в виду, что славянский языческий праздник сменило Вербное воскресенье) и многочисленные ссылки на различные блоги и некоторые неоязыческие ресурсы, где тиражируется этот фейк. Вероятно, материалом для его конструирования стали упоминания в литературе одной из словесных формул, которыми в крестьянских семьях сопровождался распространённый не только в славянских, но и в других странах Европы обычай ударять домочадцев (либо только детей, либо домашнюю скотину) прутьями вербы в Вербное воскресенье. Приговор «Верба хлѣст, бей до слѣз», наряду с другими вариантами упоминается в книге В. К. Соколовой [\[12, с. 99-100\]](#). Нельзя исключать, что через какое-то время детский танец «Вербохлѣст» станет новым аргументом в пользу древности и исключительной важности одноимённого «языческого праздника».

В третьей статье из того же сборника (как и в предыдущих двух, её авторы представляют Белгородский государственный институт искусств и культуры) описывается восстановление старых народных традиций на Белгородчине [\[13\]](#). Рассказывается о смысле местных танцев, будто бы посвящённых богиням Лели и Ладе. Существование таких богинь в древнерусском пантеоне крайне сомнительно. Идея о существовании в древности у славян культа этих богинь принадлежит советскому археологу Б. А. Рыбакову [\[14, с. 393-416\]](#), но сегодня в науке популярностью не пользуется. Соотнесение каких-то танцев или обрядов с мифологическими персонажами, относительно которых даже не ясно, были они известны нашим предкам или это порождение «кабинетной мифологии», выглядит крайне смелым и опять-таки далёким от академической науки.

В статье также упоминается организатор и вдохновитель фестиваля «Узорный хоровод» Екатерина Алиханова, которая «изучает узорные танцы 25 лет и всё время ищет и подтверждает сакральный их смысл». По её словам, такие танцы способствуют испарению негативной энергии. Авторы статьи цитируют слова Е. Алихановой: «Кроме того, даже медики признали пользу танцевального шага в хороводе, а наши бабушки верили, что именно во время такого танца земля даёт нам силы» [\[13, с. 255\]](#). На этом примере мы видим, как некий местный энтузиаст, занимаясь «возрождением» народной культуры, вкладывает в неё те смыслы, которых в ней изначально не было, и эти смыслы закрепляются в сборниках научных публикаций.

Славянские боги и вторичная мифологизация

Выше мы видели, как в научные публикации проникают недостоверные сведения о славянском язычестве и славянских божествах. Эти сведения становятся материалом для дальнейших околонучных реконструкций и новых культурных практик, понимаемых как «возрождение забытых традиций».

В этой связи вспоминается интересная статья К. А. Гавриловой [\[15\]](#), в которой описана деятельность по реконструкции и пропаганде народной культуры, осуществляющейся в Кировской области. Автор не без оснований вписывает проводящиеся в рамках этой деятельности семинары в контекст практики «тех New Age групп, чья идентичность основана на принадлежности к воображаемой древней славянской (русской) культуре» и справедливо усматривает в этом признаки «вторичной фольклоризации» [\[15, с. 38, 40\]](#). Под этим термином понимается процесс импортирования в условную деревню «сформированного в академической и/или околоакадемической среде образа "русской народной традиции"», меняющий представления деревни о собственной культуре [\[16, с. 33–34\]](#). Но вообще понимание этого феномена можно дополнить – подобный образ теперь всё чаще формируется в псевдонаучной среде и воздействует он не только на деревню, но и на городское население.

Вот прекрасный пример того, как это происходит в городе – сотрудники Российского государственного аграрного университета предлагают проект благоустройства Томилинского лесопарка (г. Лыткарино, Московская обл.), в котором «Одной из изюминок проекта будет тропа путешественников во времени, где юные посетители парка смогут погрузиться в атмосферу Древней Руси. На данном маршруте будут расположены площадки со скульптурными изображениями персонажей славянской мифологии». Что же это за персонажи? «В каждой зоне будут располагаться скульптурные изображения славянских богов соответствующей тематики: на детских площадках – Берегиня и Жива, на конной тропе – Велес и Перун, в зоне тихого отдыха – Лада, в прибрежной зоне – Купало и Хорс» [\[17, с. 24\]](#). Проблема даже не в том, что иконография славянских божеств отсутствует и любое их скульптурное изображение будет изначально полнейшей фантазией – для художественного произведения это совершенно нормально. Проблема именно в том, что в этот перечень попадают персонажи, чей мифологический статус не ясен (Берегиня, Лада, Купало), либо не имеет отношения к культуре восточных славян (Жива). Таким образом, вторичная фольклоризация, о которой упоминалось выше, – это лишь частный случай того, что можно было бы назвать *вторичной мифологизацией* или даже *онеоязычиванием* российской культуры (да простится автору столь заковыристый, но верный по сути термин, отражающий влияние различных представлений разной степени фантастичности, бытующих в неоязыческой среде, на массовые представления населения России о

древней славянской культуре).

Славянское язычество и мистический туризм

Весьма вероятно (и даже несомненно), что славянская мифология (или, точнее, то, что за неё выдают те или иные авторы, чиновники, коммерсанты или местные энтузиасты, восстанавливающие «исконные традиции») будет всё более востребована в туристической индустрии. Появился даже новый термин – «мистический туризм»: «Мистический туризм – достаточно актуальная тема в современном мире, это сравнительно новое направление, которое способствует значительному увеличению прибыли туристических фирм и является лучшим вариантом для искушённого путешественника. Такой вид туризма требует постоянной работы по поиску новых идей, легенд и необычных объектов, и знание славянской мифологии, несомненно, поможет в разработке новых мистических маршрутов» [\[18, с. 17\]](#). Возможно, знание славянской мифологии и способно помочь в разработке новых мистических маршрутов, но в данной работе вновь неприятно поражает потрясающая небрежность в работе с литературой. Мало того, что её подбор вызывает вопросы (так, наряду с научной литературой туда попала статья А. И. Асова – неумолимого популяризатора «Влесовой книги», печально известного фальсифицированного источника по древней истории славян), так ещё ряд ссылок, в частности, на работы А. А. Бескова, не имеют абсолютно никакого логического отношения к материалам публикации – то есть мы вновь сталкиваемся с фиктивными ссылками, а описание автореферата кандидатской диссертации А. А. Бескова выполнено с грубой ошибкой (указано, что он издан в Тамбове в 2015 г., тогда как на самом деле он опубликован в Нижнем Новгороде в 2008 г.). С таким отношением к делу вряд ли можно надеяться на то, что крупницы научного знания о славянском язычестве будут бережно сохраняться в рамках разработки новых туристических маршрутов.

Между тем, славянская языческая экзотика активно применяется для привлечения туристов и без какого-то методологического обоснования со стороны научного сообщества. Например, в Городецком районе Нижегородской области действует частный «антимузей» славянской культуры. (Использование слова «антимузей» – маркетинговый приём, намекающий на то, что здесь нет привычных музейных ограничений, то есть экспонаты можно трогать, использовать по назначению, там можно останавливаться на ночлег, проводить свадьбы и т. п.) «Антимузей» привлёк внимание местных журналистов, в результате чего мы можем прочесть в местной прессе следующее: «Рядом с домом есть древнерусское капище Лады, статуи для которого Мария собственноручно вырубала топором на шестиметровых сосновых столбах. Здесь возлюбленные могут пройти обряд славянской ведической свадьбы, когда происходит объединение двух родов» [\[19\]](#). Науче сведения о почитании Лады в Древней Руси не известны, а «славянский ведизм» – это одно из направлений русского неоязычества, где реконструкция древнеславянского религиозно-мифологического комплекса осуществляется путём гипертрофированного использования сравнительного метода, так что собственно славянские древности подменяются «ведическими» (древнеиндийскими). Причём у этого направления есть совершенно отчётливая идеологическая подоплёка – постулат о «ведической» славянской культуре позволяет объявить славян прямыми потомками ариев и здесь неоязычество подходит опасно близко к неонацизму, неся в массы далеко не безобидные псевдонаучные мифы.

Призраки нацизма и проблемы научной экспертизы

В 2016 г. в Перми прогремело дело местного резчика по дереву Сергея Каменева,

которое довольно подробно освещалось в местной прессе [20–22]. Летом того года на фестивале «Купальские ночи» он выставлял свои работы – деревянные обереги с символикой, якобы имеющей отношение к славянскому язычеству. (Для ясности сразу нужно обозначить – науке не известен ни один символ, относительно которого было бы достоверно известно, что он имел какое-то магическое значение для восточных славян времён язычества. Ни в одном историческом источнике нет никаких упоминаний о такой символике. Соответственно, любые сведения такого рода являются в лучшем случае научной гипотезой, но чаще всего просто вымыслом. Таким вымыслом, например, является самый узнаваемый символ русского неоязычества – коловрат, представляющий собой удвоенную свастику.) Поскольку символы на поделках резчика так или иначе обыгрывали мотив свастики, у правоохранителей возникли вопросы к автору работ. Ему было предъявлено обвинение по статье «пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций». Состоялся суд. Как положено в подобных случаях, суд запросил экспертное заключение. Газета «Аргументы и факты» сообщает: «Преподаватель Алексей Антонов установил, что изготовленные Каменевым артефакты «являются языческими свастическими символами, сходными с нацистскими» [21]. Резчик был признан виновным и оштрафован на одну тысячу рублей. Три изъятых у резчика оберега суд постановил конфисковать, а два уничтожить.

Однако обвиняемый подал апелляцию и на очередное слушание пришёл с собственной экспертизой. «Кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории ПГНИУ Галина Волгирева изучила работы Каменева и установила, что все символы являются общеевропейскими рунами и давно присутствуют в русском искусстве, плюс ко всему «никак не связаны с нацистской символикой». (...) «Немецкая символика не смогла вобрать в себя священные руны, которыми, как оказалось, богата вся традиционная русская культура. А Гитлер использовал лишь обратную свастику и ограниченное количество рун», – подчеркнула Волгирева» [21]. Материал в «Коммерсанте» дополняет логику этого экспертного заключения: «Как следует из текста заключения, представленный на экспертизу материал отображает предметы рунического искусства. А из историографии известно, что руны являлись основой для всей общеевропейской письменности, их появление датируется IV веком до новой эры. Рунические символы использовались на всей территории России в народном ткачестве до XX века, а на Урале особенно. Так, в экспозиции Пермской художественной галереи сохранились пояса с изображением свастики. Нацистская же символика является вторичным явлением 30-х годов прошлого века по отношению к древнейшей общеевропейской рунической традиции» [20]. В целом при прочтении этих статей в прессе создаётся ощущение правового абсурда или даже «полицейского беспредела» и оказывается непонятным, почему несмотря на, казалось бы, убедительные доводы эксперта, кандидата исторических наук, суд отказался пересмотреть обвинительный приговор. Кроме того, журналист сообщает, что первая экспертиза была подготовлена преподавателем пермской фармакадемии (учёная степень и научное звание не упомянуты), что, как представляется, несколько обесценивает авторитет автора в глазах читателей и на этом фоне повышается авторитет автора второй экспертизы.

Действительно, на сайте Пермской государственной фармацевтической академии можно найти сведения о том, что на кафедре гуманитарных и социально-экономических дисциплин работает старший преподаватель Алексей Борисович Антонов, который преподаёт историю России и философию. Вероятно, автором упомянутой экспертизы был он. Действительно, не ясно, является ли он экспертом в области славянского язычества

или нацистской символики. (В РИНЦ у указанного преподавателя не найдено ни одной публикации.) Напрашивается мысль, что на роль эксперта по таким вопросам весьма желательно было бы приглашать людей с более выраженными академическими заслугами, причём в соответствующей области. Но что с квалификацией второго эксперта?

В РИНЦ мы можем ознакомиться с профилем доцента кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета П. Г. Волгиревой. Всего её работ насчитывается более 60, из них 6 опубликованы в изданиях из «ядра РИНЦ». Тематика этих работ связана с «крестьянским вопросом» в России (и конкретно в Пермской губернии) накануне революции 1917 г. Тема кандидатской диссертации: «Традиционная книжность Прикамья XVI – начала XX вв. как источник для изучения духовной культуры». Никакой связи с тематикой славянского язычества или (нео)нацизма эти работы не имеют. Но одна статья П. Г. Волгиревой резко выбивается из этого ряда. Речь о работе под названием «Руны в народном ткачестве Предуралья» [\[23\]](#). Можно предположить, что наличие у автора этой работы и послужило основанием для его привлечения в качестве эксперта по делу об экстремистской символике на резных оберегах.

Однако если почитать эту статью, можно прийти к совершенно ошеломительному результату. Несмотря на то, что она опубликована во вроде бы научном издании, она не имеет даже таких формальных признаков научности, как библиографический аппарат! Всё, что мы имеем, это лишь упоминание автором таких авторитетных для неё имён, как А. Н. Платов и Гвидо фон Лист. Кто же это? Антон Платов, известный в неоязыческой среде как Иггволд, является отечественным эзотериком, пропагандирующим «руническую магию». Гвидо фон Лист – австрийский оккультист XIX–XX вв., чьи идеи были созвучны сложившейся чуть позже нацистской мифологии [\[24\]](#). При этом Платов в статье именуется «наиболее крупным исследователям в области рунологии в отечественной историографии». По-видимому, другие исследователи остались попросту не известны Волгиревой, иначе трудно объяснить, как можно было обойти вниманием труды таких специалистов по рунической письменности, как Е. А. Мельникова [\[25\]](#) и Э. А. Макаев [\[26\]](#). Впрочем, вчитываясь в текст этой странной статьи далее, читатель может удостовериться в том, что знакомство с трудами серьёзных исследователей автору бы только помешало, поскольку мы имеем дело не с научной работой, а с... эзотерической! На полном серьёзе автор применяет «сравнительно-астрологические методы анализа звёздных аспектов и конфигураций» (что бы это ни значило) и пишет, что «каждый рунический знак заключает в себе колоссальную информацию и обладает такой энергетической наполненностью, что позволяет человеку жить на самом высшем, а не просто на высоком уровне духовного развития» [\[23, с. 190, 184\]](#). В тексте статьи упоминаются и славянские руны, которые являются не чем иным, как современным мифом, конструктом русской неоязыческой субкультуры [\[27\]](#). В итоге автор вводит термин «пермские руны» (под которыми она понимает различные элементы орнамента на вышитых поясах русских старообрядцев) и эти руны оказываются в родстве как со «славянскими рунами», так и западноевропейскими. (То есть орнаменты на русской одежде «расшифровываются» через сопоставление их с чем-то похожими буквами германского рунического алфавита, а символическое значение последних Г. П. Волгирева черпает из эзотерических фантазий Гвидо фон Листа при посредничестве А. Платова.) Осознав особенности этой публикации, уже не приходится удивляться тому, что в экспертизе, подготовленной Г. П. Волгиревой и частично известной нам благодаря сделанному журналистами пересказу, обнаруживаются такие кошмарные с точки зрения

академической науки ляпсусы, как утверждения, что руны являлись основой для всей общеевропейской письменности, что их появление датируется IV веком до н. э., что рунические символы использовались на всей территории России в народном ткачестве до XX века, что свастика является руническим символом.

Разобранный кейс со всей очевидностью показывает нам, как остро может вставать вопрос о том, где найти экспертов, чья экспертность не вызывала бы нареканий. Учитывая, что экспертизы, представляемые в суд, могут напрямую влиять на судьбы людей, доказывая или опровергая наличие состава преступления и помогая определить степень вины, нельзя не увидеть в описанных затруднениях серьёзную социально значимую проблему.

Культурная политика и поддержка изобретённых традиций

Мы видим, что научные издания не являются нерушимыми бастионами, охраняющими научное знание. Разные нелепости, фейки, даже откровенная эзотерика в том или ином виде и в различных пропорциях могут достаточно легко попадать на страницы работ, претендующих на статус научных. Но при этом в опасности оказывается не столько наука, сколько общество. В самом деле, наука, основные силы которой концентрируются в академических институтах, наиболее сильных университетах, в авторитетных журналах, способных обеспечить качественное научное рецензирование, может достаточно эффективно (хотя и не без труда) противостоять псевдонауке. Профессиональные исследователи понимают, какие авторы и научные труды чего стоят. Но вот люди, далёкие от науки, этого не понимают. Из-за этого возможны казусы, когда некоторые сомнительные или же откровенно псевдонаучные идеи обретают поддержку местных властей, политиков или государственных органов.

Лингвист Е. Л. Березович в своих размышлениях, посвящённых взаимоотношениям науки и псевдонауки, отметила интересную и важную деталь: «Что касается моего опыта, то мне приходится сталкиваться в первую очередь с краеведами, интересующимися географическими названиями своего края. Нередко это очень интересные и знающие люди, настоящие энтузиасты, которых, конечно, всецело хочется поддерживать. Но встречаются и агрессивные настроенные краеведы, считающие, что раз они «здесь живут», то только им подвластны тайны местных названий, которые древнее санскрита и древнегреческого, имеют исключительно славянские корни, а если «буквы» в санскритском и северно-русском топониме «немного непохожи», то это поправимо: под выводы автора рисуется новая таблица «буквенных» соответствий. Иногда их деятельность поддерживается местной администрацией, культурная политика которой нынче нацелена на «прославление малой родины» и создание местной мифологии. Раньше я сталкивалась с этим преимущественно в экспедициях на Русский Север, когда мы встречались с работниками отделов и домов культуры, библиотекарями, учителями сельских школ, которые показывали нам книги краеведов (нередко рекомендованные к изучению на уроках и к использованию в различных «культурных мероприятиях»)» [\[28, с. 221\]](#).

А вот что пишет доктор исторических наук, директор экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок» (Кемеровская обл.) В. М. Кимеев: «...общераспространённой практикой у современных аборигенов Сибири становится мифотворчество и конструирование при активной поддержке региональных властей разного профиля нового этнокультурного пространства, условно названного в философских кругах вторичным». «Вторичное ... пространство обычно конструируется лидерами фольклорных коллективов и профессиональными дизайнерами другой национальности при

значительной финансовой поддержке местных властей и зачастую имеет отдалённое отношение к первичному пространству. Затем посредством «возрождённых» фольклорных праздников и региональных фестивалей, широко разрекламированных в прессе, элементы вторичного этнокультурного пространства легитимизируются и обретают в сознании их создателей черты традиционности. Процесс формирования такого вторичного этнокультурного пространства с 1990-х гг. иногда стал именоваться в прессе, административных отчётах и научной литературе «национально-культурным возрождением» [\[29, с. 96\]](#).

В своей статье учёный демонстрирует, как в результате этих процессов в умах интеллигенции некоторых народов Сибири появляются представления о том, что на самом деле чуждые им культурные особенности, присущие окружающим их народам, были составной частью традиционного культурного комплекса.

Разумеется, подобные процессы идут не только в Сибири, но, по-видимому, повсеместно. Например, в Татарстане при активном содействии республиканских властей мифологизируется региональная история, что тесно связано с обустройством такого туристического и «сакрального» центра, как Болгар [\[30\]](#). Возрождение национальных традиций с явной примесью неоязычества при поддержке республиканских властей фиксируется в Якутии [\[31\]](#). Но рассмотрению таких процессов в масштабе России следует посвятить отдельное исследование. Здесь же нужно сосредоточиться на примерах, имеющих отношение к славянскому язычеству.

Любопытным примером того, как может происходить некоторая «легитимация» неоязыческих конструктов, является приветственное письмо за подписью депутата Государственной Думы седьмого созыва Е. А. Примакова (кстати, историка по образованию). Оно направлено «участникам мероприятия, посвящённого Дню зимнего солнцестояния – славянскому празднику Колядо», дата на документе – 21 декабря 2018 г. В документе говорится: «Наши древние традиции – бережно хранимые, передаваемые из поколения в поколение – это национальное достояние. (...) Древний день Колядо – День зимнего солнцестояния, сменяемый самой длинной в году ночью, даёт нам уверенность в том, что холод и мрак не бесконечны, что уже завтра солнца в нашей жизни будет больше, что весна придёт, а за ней и лето, что смерть будет снова побеждена» [\[32\]](#).

Праздник с таким названием у восточных славян этнографами не зафиксирован. Не упоминает его и ни один исторический источник. Мы вновь имеем дело с культурным симулякром, созданным нашими современниками. Разумеется, депутат вовсе не обязан знать такие детали. Он просто проявил вежливость по отношению к своим потенциальным избирателям, тем более, что ему это ничего не стоило. Зато энтузиасты, «возрождающие» якобы старинные славянские традиции, могут при случае сослаться на подобный документ как на подтверждение «официального признания» их правоты.

Другой интересный пример мне придётся описать без подробностей, так как я связан обязательствами по неразглашению конфиденциальных данных. И всё же это крайне интересный кейс, который было бы неправильно скрывать от общественности. Некоторое время назад мне, как эксперту одного крупного фонда, поддерживающего проекты социокультурной направленности, попала для оценки грантовая заявка. Целью проекта было приобщение благополучателей «к своим историческим культурным корням через физические упражнения исконно русских телесных практик, народный танец и графику, повышение этнической идентичности, мотивации людей к коррекции собственного

физического и психологического состояния через народные традиции». Проект был выдержан в патриотических тонах, упоминался пресловутый культурный код, который нужно поддерживать, авторы заявки ссылались в том числе на цитаты из выступлений Президента России В. В. Путина. У заявителя был весьма внушительный список партнёров – музеи, общественные объединения, в том числе и региональное министерство культуры, представившее благожелательное письмо поддержки. Заявка могла бы произвести весьма внушительное впечатление, если бы я не знал, что упоминающиеся там «традиционные славянские оздоровительные практики» («вейга», «здравица», жива»), наряду с различными «славянскими боевыми искусствами», изобретены в постперестроечное время на волне горячего интереса позднесоветского общества к мистике, экстрасенсорике, восточным духовным и телесным практикам (йога, ушу, цигун и пр.) [\[33, с. 132-139\]](#). Помимо занятий этими псевдославянскими оздоровительными практиками в заявке предлагалось также обучать целевую аудиторию проекта рисованию древнеславянских рун. Всё это в комплексе должно было и укрепить культурный код, и оздоровить благополучателей проекта.

Здесь мы видим тот же самый принцип – чиновники, не разбираясь в сути дела, в конкретном содержании проекта, готовы поддержать местную социокультурную инициативу. Реализация таких проектов с привлечением внешнего финансирования – это дополнительный плюс при формировании министерских отчётов о проделанной работе. А будь такой проект поддержан грантом – он приобретёт ореол качественного, одобренного и поддержанного «наверху». После этого можно думать и о «масштабировании» такого удачного проекта, передаче ценного опыта коллегам в других регионах и т. п. К сожалению, нет гарантии того, что подобная заявка не будет подана повторно и когда-нибудь не окажется поддержанной, ведь как мы уже знаем, проблема научной экспертизы стоит весьма остро и далеко не каждый эксперт обладает столь узкими познаниями, чтобы разглядеть подобный подвох.

Вполне вероятно, что указанные случаи – это лишь верхушка айсберга. Поскольку сейчас нет инструментов поиска материалов по каким-то обширным базам данных, индексирующих различные документы официального происхождения, документы подобные рассмотренным выше могут попасть в поле зрения исследователя только случайно. Представляется, что при систематическом поиске число таких примеров можно было бы значительно умножить.

Заключение

Современное российское государство взяло официальный курс на защиту традиционных ценностей от деструктивной идеологии, под которой понимается «разрушительная для российского общества система идей и ценностей». Этот курс описывается в известном Указе Президента РФ В. В. Путина № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В п. 7 Указа говорится, что «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала». И действительно, нет сомнений, что здоровое, благополучное общество должно с уважением относиться к своим традициям, истории и культуре. Проблема в том, что под видом давних культурных традиций мы всё чаще и чаще сталкиваемся с культурным «новоделом». То, что многие из россиян считают древними славянскими традициями, на поверку оказывается культурными

симулякрами, которые искажают наше подлинное историко-культурное наследие, заменяют научные факты мифами массовой культуры. Это само по себе вызывает тревогу. Но ещё хуже, когда эти мифы оказываются идеологически ангажированными, что может приводить, например, к скрытой, «ползучей» реабилитации нацистской символики (рун, свастики), которая вдруг оказывается «исконно славянской».

Бодрийяр в своё время сделал любопытное наблюдение, что мы живём в мире, где всё больше и больше информации, но всё меньше и меньше смысла [\[34, р. 79\]](#). Эпоха интернета сделала это наблюдение ещё более актуальным. А широкое распространение наукометрии парадоксальным образом снова стимулирует этот процесс. К сожалению, преподаватели вузов просто вынуждены для достижения заложенных в индивидуальные и коллективные планы работы показателей производить наукоподобный продукт в виде публикаций в научных изданиях, активно привлекая к этому также аспирантов и студентов. Разумеется, очень часто такие работы не имеют никакой научной ценности. В лучшем случае, они «всего лишь» замусоривают информационное пространство, но не искажают научную информацию. Но, к сожалению, далеко не редки случаи, когда такие работы напрямую противоречат научным данным и из квазинаучных превращаются в антинаучные. В итоге, возвращаясь к соображению Бодрийяра, следует сделать поправку – прирастает уже не информация (пусть и малоценная), а дезинформация. Однако и этих – слабых или даже антинаучных работ хватает для того, чтобы их авторы могли накапливать символический капитал, который впоследствии позволяет им претендовать на какие-то должности, связанные с производством, оценкой и продвижением разного рода культурных и/или образовательных проектов. Для чиновников, внедривших в России наукометрические требования, но не научившихся анализировать наукометрические показатели, для журналистов, правоохранителей, общества в целом, все авторы научных публикаций «на одно лицо». Для доказательства того или иного утверждения всегда можно сослаться на какую-то научную публикацию, но вес этой публикации, её качество может оценить только узкая прослойка специализирующихся на соответствующей проблематике учёных (и речь здесь идёт, конечно, не просто об обладателях учёных степеней, а о людях, занимающихся наукой на солидном профессиональном уровне). Мы пришли к такой удручающей ситуации, когда зачастую науку двигают вперёд одни люди, а экспертами являются другие. Эрозия институтов научной экспертизы подобна тому самому сну разума, который рождает чудовищ.

Можно ли как-то изменить ситуацию к лучшему? Вероятно, да, если повлиять на описанные выше процессы и перестать провоцировать это бессмысленное производство текстов, не имеющих научной ценности. Если наука вновь станет научной, а государственный аппарат и бизнес при выработке различных управленческих решений будут всерьёз полагаться на неё, то массовое сознание россиян будет более защищённым от влияния на него разных псевдонаучных концепций. Но чтобы убедиться в необходимости таких изменений и начать действовать в нужном направлении, нужно осознать тот вред, который эта ситуация наносит нашему обществу. Данная статья призвана внести свою скромную лепту в это осознание.

Библиография

1. Бесков А. А. Симуляция науки и симулякры культуры: иллюзорные представления о славянском язычестве в современной российской гуманитаристике // Вопросы философии. – 2022. – № 1. – С. 100–110. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-1-100-110>
2. Бесков А. А. Мифология, вооружённая лопатой, или Возможна ли археология

- сверхъестественного? // *Stratum plus*. – 2022. – № 5. – С. 345–359. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp225345360>
3. Gerring John. *Case Study Research: Principles and Practices*. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 265 p.
4. Морозова Т. П. Конь-солнце в славянской языческой мифологии // *Вестник славянских культур*. – 2019. – Т. 52. – С. 53–64.
5. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М.: Наука, 1965. – 245, [1] с.
6. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. – М.: Наука, 1974. – 342 с.
7. Топорков А. Л. О «белорусских народных преданиях» и их авторе // *Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора*. – М.: Ладомир, 2002. – С. 245–254.
8. Левкиевская Е. Е. Механизмы создания мифологических фантомов в «Белорусских народных преданиях» П. Древлянского // *Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора*. – М.: Ладомир, 2002. – С. 311–351.
9. Лившиц В. В., Лившиц Е. А. Проблемы создания и трансляции хореографических произведений на основе славянской мифологии // *Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сборник докладов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Белгород, 12 февраля 2020 г.): в 3-х томах / отв. ред.: Ю. В. Бовкунова, С. Н. Зенин, А. А. Шакмаков*. – Белгород: БГИИК, 2020. – Т. 1. – С. 177–181.
10. Данилов П. А., Буксикова О. Б. Русская народная игра «вербохлест»: семантика и трансформация в хореографии // *Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сборник докладов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Белгород, 12 февраля 2020 г.): в 3-х томах / отв. ред.: Ю. В. Бовкунова, С. Н. Зенин, А. А. Шакмаков*. – Белгород: БГИИК, 2020. – Т. 1. – С. 239–242.
11. Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. – М.: Индрик, 1998. – 328 с.
12. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. – М.: Наука, 1979.
13. Пасечник С. И., Лебедева М. И. Значение народного костюма в традициях, обрядах фольклоре Слобожанщины // *Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сборник докладов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Белгород, 12 февраля 2020 г.): в 3-х томах / отв. ред.: Ю. В. Бовкунова, С. Н. Зенин, А. А. Шакмаков*. – Белгород: БГИИК, 2020. – Т. 1. – С. 248–255.
14. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.
15. Гаврилова К. А. Возвращение народной культуры народу: правильная масленица и методическое руководство сельской самодеятельностью // *Этнографическое обозрение*. – 2016. – № 6. – С. 27–43.
16. Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). – СПб.: Наука, 2012. – 228 с.
17. Довганюк Е. С., Моисеева Е. А., Шарапова А. В. Проект благоустройства и озеленения фрагмента Томилинского лесопарка (г. Лыткарино, МО) // *Вестник ландшафтной архитектуры*. – 2019. – № 18. – С. 22–25.

18. Бардасова А. С., Никитина О. Н. Национальные фольклорные образы как элемент развития туризма (на примере славянской демонологии) // Новые технологии развития туристской деятельности в Удмуртской Республике: Материалы научно-практической конференции, Ижевск, 23 ноября 2022 года. – Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 2022. – С. 5–18.
19. Звонкова С. Ночь в XIX веке. Нижегородцы создали антимузей славянской культуры // Аргументы и Факты – Нижний Новгород. 2024. № 20. 5 мая. URL: <https://nn.aif.ru/culture/noch-v-xix-veke-nizhegorodcy-sozdali-antimuzey-slavyanskoy-kultury> (дата обращения: 20.06.2024).
20. Астахов Д. Художника не спасли обереги // Коммерсантъ (Пермь). 2016. № 204. 2 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3132402> (дата обращения: 20.06.2024).
21. Овчинников Д. Символы раздора. Как пермский резчик по дереву стал «нацистом» // Аргументы и факты. 2016. 21 ноября. URL: https://aif.ru/society/people/simvoly_razdora_kak_permskiy_rezchik_po_derevu_stal_nacistom (дата обращения: 20.06.2024).
22. Третьяков С. Пермского художника признали экстремистом из-за старинных славянских узоров // Комсомольская правда. 2016. 2 ноября. URL: <https://www.tver.kp.ru/daily/26602/3618010/> (дата обращения: 20.06.2024).
23. Волгирева Г. П. Руны в народном ткачестве Предуралья // Общественные науки. – 2012. – № 2. – С. 182–191.
24. Goodrick-Clarke N. The Occult Roots of Nazism. Secret Aryan Cults and their Influence on Nazi Ideology. London, New York NY: I. B. Tauris & Co., 2004. – 293 p.
25. Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. – М.: Восточная литература, 2001. – 496 с.
26. Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей (лингвистический и историко-филологический анализ). – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 156 с.
27. Бесков А. А. «Славянские руны» на российских экранах: репрезентация неоязыческого мифа // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2019. – № 3. – С. 225–253. DOI: 10.23951/2312-7899-2019-3-225-253
28. Беляев Л. А., Березович Е. Л., Боринская С. А. и др. Наука и псевдонаука // Антропологический форум. – 2013. – № 18. – С. 9–140.
29. Кимеев В. М. Этнокультурный ренессанс и мифотворчество в современной обрядности народов Притомья // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 5 (43). – С. 96–99. DOI: 10.17223/19988613/43/20
30. Овчинников А. В. «Возрождение» Болгара и Свияжска – новейший опыт конструирования исторической памяти // Вестник Пермского университета. История. – 2017. – № 4(39). – С. 192–201. – DOI 10.17072/2219-3111-2017-4-192-201.
31. Яковлев А. И., Яковлева К. М. Традиционный якутский праздник Ысыах в современном культурном ландшафте // Общество: философия, история, культура. – 2019. – №1 (57). – С. 122–126.
32. Маслов В. Депутат Госдумы поздравил саратовцев с Колядой // Информационное агентство «Взгляд-инфо». 2018. 22 декабря. URL: <https://www.vzsar.ru/blogs/4279> (дата обращения: 21.06.2024).
33. Бесков А. А. Язычество восточных славян перед лицом современности. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. – 192 с.
34. Baudrillard J. Simulacra and simulation. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994. – 176 p

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи обладает несомненной актуальностью. Более того, можно сказать, что вынесенные автором на обсуждение вопросы оказались актуальными с теоретической точки зрения и поистине «злободневными» в социальном плане уже более трёх десятилетий назад, когда рухнувшие идеологические запреты обнажили как недостаточность научных знаний о славянском язычестве, так и широкий интерес общества (часто весьма далёкого в своих устремлениях от стандартов научности) к этой тематике. Автор совершенно справедливо говорит о бытовании в общественном сознании множества недостоверных, а то и совершенно фантастических, представлений о славянской мифологии и стремится оградить российское общество от вредных и опасных последствий продуцирования недостоверных мифологических образов и сюжетов. Статья в целом производит благоприятное впечатление, и она, несомненно, заслуживает публикации. Критические замечания могут быть частично учтены в рабочем порядке, частично – стать предметом осмысления в процессе подготовки последующих публикаций. Так, не вполне понятно, почему автор отдаёт предпочтение методу кейс-стади. Подобного возражения не возникло бы, если бы материал исследования был более-менее однородным, но, очевидно, в данном случае можно говорить о большом разнообразии содержания и совершенно разнородном его «идеологическом сопровождении». Применительно к рассматриваемой теме «отдельные примечательные «случаи» как единицы наблюдения интересующего исследователя аспекта социальной реальности» рискуют остаться именно «отдельными случаями». Зачем, например, автор характеризует столь детально публикации других исследователей? Теоретическая статья имеет совсем другие задачи. Далее, автор прав, когда он говорит о случаях «идеологической ангажированности» «языческого новодела», но это снова именно «случаи», и совсем не обязательно это ведёт «к «ползучей» реабилитации нацистской символики (рун, свастики)», а по прочтении остаётся именно такое впечатление. Вообще, хотелось бы порекомендовать автору пореже упоминать о возможных «фашистских» коннотациях русской символики, пусть даже и «псевдомифологической». Наш народ заслужил того, чтобы в границах одного высказывания не произносить «русский» и «фашизм». Больше сочувствие вызывают замечания автора о вреде пресловутой наукометрии: «преподаватели вузов просто вынуждены для достижения заложенных в индивидуальные и коллективные планы работы показателей производить наукоподобный продукт в виде публикаций в научных изданиях, и т.д.». Довольно много пока в тексте и «технического брака», который должен быть устранён до публикации статьи: «оказывается, что разного рода (псевдо)научные фантазии о славянском язычестве оказываются...», «опыт гитлеровской Германии является прецедентным» (просто «прецедентом?»), «на правоприменительную сферу» («практику?»), «летом того года» («того же года?»), «символикой, якобы имеющей отношение» (пропущена запятая), и т.п. Рекомендую принять статью к печати.